

зантийского влияния на культуру «западного мира»² (стр. 11—54); вторая — несколько выпадающая из общей тематики книги — рассматривает также общий вопрос, а именно взаимоотношения государства и церкви в Византии (стр. 55—83); напротив, третья статья посвящена вполне конкретному и хронологически ограниченному вопросу — Флорентийскому собору 1438—1439 гг. и проблеме унии (стр. 84—111). Второй раздел озаглавлен «Византия и Ренессанс». Он также состоит из трех статей; все эти статьи — сравнительно частные исследования, хронологически выходящие за рамки собственно византийской истории и доведенные примерно до 1600 г.: «Греко-византийская колония в Венеции и ее значение для Ренессанса» (стр. 112—137); «Роль Крита в передаче греко-византийской культуры в Западную Европу через Венецию» (стр. 139—164), «Оставшийся незамеченным план религиозной унии с Римом, разработанный после падения Византии: критский епископ-гуманист Максим Маргуний и его латинская библиотека, завещанная Афону» (стр. 165—193).

Именно последние четыре статьи, посвященные истории XV—XVI вв., наиболее близкие специальным интересам Джеанакоплоса³ и основанные на глубоком изучении источников, в том числе множества манускриптов, представляют исследованием самую оригинальную часть рецензируемой работы. Автор тщательно прослеживает организацию греческой колонии в Венеции, ее численность и ее права (кстати сказать, весьма напоминающие права венецианцев в Константинополе в XI—XII вв.: греки имели свой причал и свою церковь), роль венецианских и критских греков в распространении греческой цивилизации на Западе [он подчеркивает, между прочим (стр. 134), что Эль Греко до 25 лет жил на Крите] и попытки гуманиста Максима Маргуния достичь религиозного соглашения с Римом на основе изучения богословской литературы как латинской, так и греческой.

Однако в этой краткой рецензии я остановлюсь не на конкретных наблюдениях Джеанакоплоса, но на первых двух его статьях, где сделана попытка осмыслить историческое развитие византийского общества.

В отличие от традиционного представления, согласно которому Византия была лишь хранительницей античного наследия и ее историческая миссия сводилась к передаче греко-римских традиций «молодым» народам Европы, автор подчеркивает, что Запад воспринял из Византии разнородные культурные элементы — как античные, так и средневековые, т. е. оригинально-византийские (стр. 54). Мне кажется только, что, сделав этот принципиально важный вывод, Джеанакоплос обедняет его, когда прослеживает конкретные формы византийского влияния. Действительно, классифицируя византийские «сферы влияния», он приходит к заключению, что оригинальное воздействие империи ощущается в ряде областей изобразительного искусства и архитектуры, в ремесленной технике и судостроении, в законодательстве и государственном управлении, в образе жизни и религиозном культе. Что касается литературы и науки, в том числе философии, то в этих областях роль Византии ограничивалась, по Джеанакоплосу, сохранением античных шедевров (стр. 53). Это кажется ему естественным, поскольку в этих областях византийцы вообще сделали немного: так, он считает византийскую литературу — за исключением гимнографии и «Дигениса Акрита» — лишенной творческого начала (стр. 27).

Думаю, что с подобной трактовкой роли византийской литературы и науки нельзя согласиться. Византийская историческая проза, география, энциклография, сатирическая литература представлены первоклассными памятниками. Если Византия «не создала своего Данте» (стр. 27), это не значит, что мемуары Пселла и памфлеты Евстафия Солунского лишены творческой оригинальности. Запад до схизмы не созрел для восприятия византийской литературы, а после схизмы тому мешали

² В понятие «западного мира» Джеанакоплос не включает ни Чехию, ни Венгрию; во всяком случае, в разделе о центрах византийского влияния на Европу (стр. 12—20) эти области не названы. Тем не менее не только Великая Моравия во второй половине IX в., но и Чехия в XI—XV вв. были теми «каналами» (я пользуюсь термином автора), через которые на Запад проникала греческая культура. Ср., напр., В. Ф. Мареш. Греческий язык в славянских культурных центрах Чехии XI века. — BS, 24, 1963; M. Paulová. Die tschechisch-byzantinischen Beziehungen unter Přemysl Otakar II. — ЗРВИ, 8/1, 1963; A. Bartoš. A Delegate of the Hussite Church to Constantinople in 1451—1452. — BS, 24—25, 1963—1964. Венгрия — с ее греческими монастырями и постоянными военно-дипломатическими связями — еще больше способствовала проникновению на Запад информации из Византии. См. Gy. Moravcsik. Die byzantinische Kultur und das mittelalterliche Ungarn. Berlin, 1956; A. Szentirmai. Der Einfluss des byzantinischen Kirchenrechts auf die Gesetzgebung Ungarns im XI/XII Jh. — JÖBG, 10, 1961; Gy. Moravcsik. Σημειώσεις εἰς τὰ καλλιτεχνικὰ μνημεῖα τῶν οὐγγρο-βυζαντινῶν σχέσεων. — «Χαριστήριον εἰς Ἀ.Κ. Ὀρλίνδον», т. 1. Athenai, 1964. То же надо сказать о Дубровнике и о других славянских центрах на Адриатике.

³ См. D. J. Geanakoplos. Greek Scholars in Venice. Camb. Mass., 1962 (вышла также по гречески: Ἑλληνες λόγιοι εἰς τὴν Βενετίαν. Athenai, 1965). Материалы этой книги частично использованы в четвертой статье рецензируемого исследования.